

Поскольку Император назвал точное место и время схода оползня, министр работ решил, что тайная служба государя уже обо всем проведала. У него потемнело в глазах от ужаса, и он без тайн выложил всю правду — как о самом происшествии, так и о причинах, по которым его утаил.

Когда министр закончил, Император долго молчал. Министр в страхе припал к полу, не смея поднять головы, но затянувшаяся тишина была хуже смерти. Набравшись храбрости, он снова принялся оправдываться и сбивчиво объяснять свои мотивы, попутно осмелившись взглянуть на государя. На лице Императора вовсе не было мрачного гнева — лишь изумление, за которым скрывался неизъяснимый страх.

— К югу от Ляншаня, к западу от деревни Мо внезапный оползень... Семь погибших, двадцать три раненых... — пробормотал Император. Его шокированный взгляд слегка дрогнул, и он тяжело произнес: — Праздник голодных духов.

Министр работ подумал, что Император лишь пересказывает услышанное о бедствии, и снова низко отбил поклон, касаясь лбом пола:

— Ваш ничтожный слуга не проявил должной осмотрительности и достоин смерти! Однако работы только начались, и дабы не сеять панику среди народа, известие о происшествии стоит утаить. Умоляю Ваше Величество наказать меня под другим предлогом!

Министр взывал к разуму и чувствам Императора, придумывая оправдания и надеясь смягчить вину. Но он и помыслить не мог, что правитель вообще не станет его наказывать.

Император лишь заметил, что от стихийного бедствия никто не застрахован, но скрывать подобное — недопустимо, и при повторном проступке виновного ждет немедленная казнь. Затем государь велел ему и дальше внимательно присматривать за стройкой. Он не только не осудил министра, но и строго приказал не разглашать эти сведения, приостановить набор рабочих и пересмотреть проект: срок строительства Шуского тракта увеличивался с пяти лет до десяти.

Покидая Зал Воспитания Разума, министр работ выглядел совершенно ошеломленным.

Прежде чиновники, отправленные на изыскания в Шу, не раз докладывали, что прокладка дороги чрезвычайно сложна, и просили продлить сроки на пять-восемь лет. Но никто не осмеливался передать эти доклады напрямую Императору: как только прошения попадали в Кабинет министров, Дун Чжунжуй, ярый сторонник строительства Шуского тракта, тут же заворачивал их обратно, требуя от ведомства работ «все пересчитать» и уложить смету строго в пять лет. Ссылаясь на «спокойствие государя», он на самом деле прикрывался именем Императора, заставляя рабочих пахать без пощады.

И вот едва работы начались, как случилось такое бедствие, но вместо гнева Его Величество сам распорядился продлить сроки. Это казалось настолько невероятным, что по дороге из дворца министр работ всерьез сомневался, не снится ли ему все происходящее.

*

Лу Цзыяо долго собирался с духом, но так и не решился подать прошение об уходе си-фэй. Стыдно признаться, но он никак не мог заставить себя расстаться с пухлым малышом. Одно лишь представление о разлуке сжимало сердце тоской, поэтому за три дня он умял с ним аж пять коробок молока. И эта мягкосердечность подарила маленькому принцу поистине счастливые дни!

Лишь на пятый день он твердо решился: как только допьют последнюю коробку молока из упаковки, он сразу же раскланяется и покинет малыша — пора с этим покончить!

Однако именно в этот день в полдень, когда Лу Цзыяо выводил иероглифы в учебной зале, в его голове неожиданно раздался сигнал!

[Уведомление системы: Хозяин вмешался в сюжетную линию и успешно продлил строительство Шуского тракта до десяти лет. На основе количества благоденствующих жителей и доли заслуг хозяина начислена награда в размере 11 369 очков искупления. Пожалуйста, продолжайте в том же духе.]

В голове у Лу Цзыяо загудело, и его захлестнула волна нереального, почти полусонного счастья!

Это ведь неправда? С ума он, что ли, сошел от жажды получить очки искупления? За спасение одной человеческой жизни давали от силы шестьдесят-семьдесят очков искупления, а тут сразу свыше одиннадцати тысяч? Откуда? И что еще за «успешно продлил строительство Шуского тракта до десяти лет»? Ведь это дело провалилось!

Как раз в этот миг занятие закончилось. Стоило учителю выйти за порог, как маленькие принцы зажужжали, точно пчелки в улье.

— Будет ли Ваше Высочество пить молоко? — седьмой принц, успевший за последние дни привыкнуть к угощению, с надеждой напомнил глупенькому Лу Цзыяо о лакомстве.

Однако сегодня Лу Цзыяо был сам не свой. Он сидел неподвижно, словно деревянное изваяние, продолжая сжимать кисть и тупо уставившись на бумагу. Чернила с кончика кисти уже расплылись по листу огромным черным пятном.

Маленькая пухлая мордочка седьмого принца приблизилась к Лу Цзыяо, и малыш обеспокоенно повторил:

— Будет ли Ваше Высочество пить молоко?

Лу Цзыяо постепенно пришел в себя. Радостное известие о продлении сроков строительства казалось настолько несбыточным, что он поднял руку и со всей силы ужалил себя за щеку!

— Ой! — ойкнул Лу Цзыяо, хватаясь за щеку.

Больно!

От неожиданного самоистязания глупенького Лу Цзыяо пухлый малыш застыл в шоке! Маленький принц поспешно замахал ручками и неуверенно вымолвил:

— Ладно-ладно, Ваше Высочество обойдется, не надо молока...

— Будем пить, еще как будем! — Лу Цзыяо обхватил пухлое личико седьмого принца, звонко чмокнул его в щеку и ликующе объявил: — Отныне Ваше Высочество может пить столько, сколько душе угодно!

Свыше десяти тысяч очков искупления! Богач! Теперь у него хватит средств, чтобы откормить пухлого малыша до отвала!

В тот день после занятий Лу Цзыяо со всех ног помчался во дворец Цинцун, намереваясь

отпраздновать победу вместе с си-фэй.

Однако си-фэй ничего не знала о продлении сроков. Вместо радости она с обеспокоенным видом рассказала о странном происшествии, случившемся во второй половине дня.

Император навестил дворец Цинцун, но пришел вовсе не к си-фэй: он призвал к себе тетушку По и долго беседовал с ней наедине в покоях.

О чем они говорили, государь запретил разглашать. А сразу после разговора тетушку По забрали: сказали, что ее направляют по делам службы на благо двора.

— Его Величество обещал не привлекать ее к ответственности, — со слезами тревоги на глазах проговорила си-фэй. — Неужели он решил тайно казнить мою тетушку По?

— Не волнуйтесь, Ваше Высочество, — радостно возразил Лу Цзыяо. — Наверняка тетушке По действительно дали поручение. Императору уже точно стало известно, что ее предсказание сбылось. Посудите сами: место бедствия и число жертв предсказаны с абсолютной точностью, разве мог Император не приблизить ее к себе? Теперь нам стоит беспокоиться не о ее жизни, а о том, чтобы она больше не выдавала столь точных пророчеств. Пусть до конца дней напускает на себя загадочный вид, и Император ее не тронет.

В том, что тетушку По не казнили, Лу Цзыяо был уверен твердо: если бы его вмешательство в сюжет привело к гибели невинного человека, система сняла бы с него кучу очков искупления. Тот господин Цинь из Астрономического управления действовал по указке первого принца и отделался лишь побоями, да и то Лу Цзыяо отвечал за случившееся от силы процента на тридцать, а очков сняли с десятка. Тетушку По же направил лично он, и если бы она погибла, счет снятым очкам пошел бы на сотни. Раз у него не вычли ни единого очка искупления, значит, с ней все в полном порядке.

— Ты уверен? — изумилась си-фэй его необъяснимой уверенности.

Лу Цзыяо просиял лучезарной улыбкой:

— Будьте абсолютно спокойны, Ваше Высочество! Все уладилось: строительство продлили до десяти лет, а это значит, что Император достоверно узнал о сбывшемся пророчестве, просто не может объявить об этом во всеуслышание! Бедствие случилось прямо в Праздник голодных духов, да еще и предсказано было с такой поразительной точностью. К тому же чиновники наверняка пытались утаить происшествие, и Император, узнав правду, убедился, что это не чьи-то козни или слухи. Да и сам Сын Неба не сможет пренебречь подобным знамением.

От облегчения глаза Лу Цзыяо слегка увлажнились, и он с глубоким почтением обратился к си-фэй:

— Ваше Высочество, наши страдания позади! Нужно как можно скорее дать знать первому принцу, чтобы сбылось и пророчество о небесной каре. Если оно подтвердится именно сейчас, Император окончательно поверит, что первый принц и господин Цинь не намеревались лгать или бунтовать, и впредь будет доверять им еще больше.

*

Победа в борьбе вокруг строительства Шуского тракта не только уберегла множество простых людей от гибели, но и принесла Лу Цзыяо колоссальный доход в виде очков искупления, а также кардинально изменила жизнь си-фэй и ее сына на ближайшие десять лет.

В тот же вечер Лу Цзыяо получил новое уведомление от системы:

[Побочное задание: Первичная коррекция характера Лу Цяня достигнута. Награда: 500 очков искупления. Активировано задание среднего уровня коррекции. Пожалуйста, продолжайте в том же духе.]

От этой радостной вести Лу Цзыяо так разволновался, что долго не мог заснуть.

И вправду: жестокость и хладнокровие будущего Лу Цня были напрямую связаны с бедствиями вокруг Шуского тракта.

Впрочем, система назвала это лишь «первичной степенью выполнения», а значит, впереди еще ожидали катастрофы, способные подорвать душевное здоровье Лу Цня.

Впрочем, Лу Цзыяо решил пока не забивать себе голову лишними мыслями. По крайней мере, детство пухлого малыша теперь пройдет в спокойствии и безопасности.

Свыше одиннадцати тысяч очков искупления! Он с восторгом подсчитывал в уме свое богатство.

Если обменивать очки на еду трижды в день, этого хватит, чтобы безмятежно обедаться целых десять лет!

И тут его озарило: накопленных очков искупления с лихвой хватит на то, чтобы открыть абсолютно все начальные магазины внутри кубика Рубика!

Лу Цзыяо поспешно закрыл глаза и погрузился в духовное пространство.

Стоимость разблокировки любого начального магазина составляла ровно 130 очков искупления. Оставалось еще семь закрытых магазинов, и Лу Цзыяо без ни малейших колебаний разблокировал их один за другим.

Есть деньги — гуляй, душа!

<http://bllate.org/book/18379/1766899>